

После будущего

Вдоль книги Владимира Сорокина «Наследие». Рецензия
Александра Гениса

Новый роман Владимира Сорокина «Наследие»

08:53, 14 ноября 2023,

Александр Генис

ведущий рубрики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Мясо

Даже мне, читающему и пишущему о Сорокине 40 лет, стало жутко уже на первой странице его нового романа. Завязка происходит в поезде. Как часто бывает у Сорокина, техника в его книгах сочетает научно-фантастический инвентарь вроде лазерных бластеров с атрибутами стим-панка в виде пластиковых коней и допотопного паровоза.

Вместо угля его топят нарубленным человеческим мясом, причем парным.

«Через час электропозвончик подвез к паровозу другой контейнер, полный порезанных на куски человеческих тел.

— Другое дело, — усмехнулся машинист.

— Свежати́на, — сумрачно подтвердил старшина.

От кусков человечины шел пар».

Напуганные дальше могут не читать, и в этом тоже видится замысел автора. Он умело дирижирует отношениями с читателями, отделяя нервных от стойких. Последние помнят сорокинский лозунг *«буквам не больно»* и поспешно ищут источник кошмара. Например, в пионерской страшилке *«Бьется в тесной печурке Лазо»*. И все памятные по школе (*«Бронепоезд 14-69»*) и газете паровозы. Раньше они мчались в коммунизм,

теперь привезли Ким Чен Ына во Владивосток (у Сорокина и китайцев он называется Хайшеньвэй).

Не самолет и ракета, а старомодная машина на пару, которую так любили наши классики для зачинов своих книг, знакомит героев и везет их вглубь романа. Он начинается у топки в кабине машиниста и двигается вдоль состава вплоть до прицепленного пыточного вагона Ши Хо, что по-китайски означает «Стиснутые зубы», а по-европейски — «Железная дева».

Описывая зверства, Сорокин прибегает к знакомой по прежним книгам, в первую очередь это «Сердца четырех», манере. Если Тарантино гасит жестокость смехом, то Сорокин — деловитым стилем производственного романа.

Преобразование человека в «мясо» (критически важное для автора слово) описывается как нейтральный технический процесс.

«— Масло прокачай! — распорядился машинист.

— Сделаем!

На груди у машиниста заговорил в балаболе начальник поезда:

— Из Ши-Хо контейнер ломтей примите.

— Есть!»

Смутно понятное в этом диалоге слово «балабол», которое, видимо, заменяет наш «мобильник», один из многих выделенных курсивом терминов, выдуманных автором и предлагаемых читателю без объяснения. Таких слов много и в других книгах Сорокина. Самое красноречивое — пыточный инструмент опричников «Несмеяна».

Отчасти тут видится реакция на «Русский словарь языкового расширения».

(Сорокин, как я уже не раз писал, играет в нынешнем литературном процессе сходную с Солженицыным роль, чего бы это ни стоило обоим.)

Но важно еще помнить, что рассказ ведется из будущего и написан как бы для тех, кто его, будущее, населяет и понимает без перевода и контекста. В отличие от тех антиутопий, куда автор отправляет нашего современника, чтобы объяснить ему устройство чужого мира, в «Наследие» нас впускают без подготовки и бросают на произвол судьбы. Оставшийся без помощи автора читатель вынужден полагаться лишь на себя. И если ему не все понятно в сорокинском будущем, то ведь и в нашем настоящем мы живем с провалами на месте знания и понимания.

Владимир Сорокин. Фото: соцсети

Инвалиды

Сцены дикого даже по сорокинским меркам насилия служат прологом и пропуском в постапокалиптический мир, где все решающее уже произошло. И атомная война («ядерка»), и распад страны, и захват ее Китаем, который на просторах бывшей Сибири торжественно отмечает свой новый национальный праздник *«День возвращения северных территорий»*.

Характерно, что в «Наследии» еще решительнее, чем в «Докторе Гарине», действие сдвинуто на Восток так далеко, что даже не упоминается Европа, которая, скажем, в «Теллурии» интересовала автора не меньше, чем Азия. Ее передел ведет к тому, что на сцену выходит могучий Китай, который опирается на свой КГБ и традицию Конфуция.

То, что называлось Россией, распалось в набор аббревиатур, в

которых не без труда узнаются новые республики: Уральская, Алтайская, Байкальская и пр. Реликты общей народной культуры представлены у Сорокина феней, обильным матом, похабными частушками и *«мельхиоровым подстаканником с советской космической символикой»*.

Обломки Левиафана-России живут по Гоббсу: все всем враги. И об этом рассказывает самая жуткая часть книги, слегка напоминающая бегло упомянутый «Разгром» Фадеева. Тут отвратительными подробностями описываются стычки одних православных партизан-ленинцев с другими.

Чем дальше мы погружаемся в роман, тем яснее становится главное свойство созданного Сорокиным мира. Это мир-инвалид. Распавшиеся социальные связи, нарушенные границы, изуверская мораль, взорванные будни. Искалеченный край населяют столь же безобразные существа, мало напоминающие своих предков. *«Сейчас много разных людей»*, говорится в романе. И все они по нему бродят — большие, маленькие, шерстяные, обыкновенные, знатные, уроды. В книге просто тесно от монстров. Они толпятся на страницах, как жильцы коммунальной квартиры сорокинского дома Ашеров.

Чтобы окунуть нас с головой в пучину, Сорокин заставляет к ней прислушаться. Как всегда у него, язык оказывается симптомом, персонажем и резонером.

Он проговаривается о масштабах катастрофы, разрушившей «дом бытия» (Хайдеггер). В романе все говорят на наречиях мутантов. Как будто язык тоже попал под ядерный взрыв и выбрался из воронки полоумным и полупонятным. Например таким: *«Бого уверо. Мамо веро. Науч»*. Или еще хуже: *«Ужасно,*

ноупле, ужасно... хрипоть моргараи, хрипоть домбораи». И даже тогда, когда мы вроде бы узнаем русский, он оборачивается дурацким раешником, перемешанным с псевдонародными поговорками авторского изготовления.

Неожиданно вся эта монотонная в своем безобразии словесная ересь напрочь прекращается, чтобы ввести в книгу совершенно другие сюжетные, тематические и речевые пласты повествования. Сорокин слишком опытный мастер, чтобы сочинять роман, не разрушая его.

Молоко

В каждой своей книге Сорокин борется с жанром — будь то роман соцреалистический, производственный, пейзажный, кулинарный, научно-фантастический, исторический, садистский, порнографический, песенный или, как в предпоследнем «Докторе Гарине», затейливо-приключенческий. Подражая, стилизуя, извращая и клонируя, он разламывает матрицу изнутри, используя ее искореженные, но узнаваемые детали в собственных целях. Одна из них — обмануть читательское ожидание. Для этого автор прокалывает созданную им же иллюзию. Как только мы привыкаем к романному ландшафту, знакомимся с дикими персонажами, мучительно учимся понимать их язык и ждем, чем всем это кончится, Сорокин бросает текст на лобном месте и открывает второй фронт.

В «Наследии» им служит принципиально иной повествовательный мотор. Он переносит нас в прозу и жизнь, списанную с того универсального источника, что вольготно расположился между Тургеневым и Чеховым. Зная Сорокина, мы с трепетом ожидаем, когда занятая у классиков идиллия обрушится в очередной пароксизм насилия. Но вместо этого нас ждет бесконечный литературный разговор, которым так любили тешиться на наших кухнях.

Подробный разговор о книгах перемешивает их в произвольном порядке милой болтовни. Всплывают имена и названия: Хармс, Мамлеев, Музиль, «Благоволительницы», «Мастер и Маргарита» (Воланд как Дон Кихот), Платонов (то ли бетон, то ли гранит), опять Ду Фу («китайские поэты созерцают, русские — поют»). Но температура мирной беседы быстро поднимается, когда гости вспоминают «совлит», подцензурную словесность, которую Сорокин прекрасно знал, еще лучше пародировал и ни за что не простил. Из-за нее в текст возвращается толика кошмаров, продолжающих тему нарубленных тел.

«Для меня они все — добровольные инвалиды, положившие свои конечности под пилу цензуры. У них отпилены ноги или руки. Советская литература — балет инвалидов на ВДНХ. Их литература — как забег одноногих или заплыв безруких».

Для другой литературы Сорокин выдумывает пространную метафору «умного молока». В нем его завораживает способность к магической трансформации жидкого и животного в твердое и духовное, а также в плотное, слоистое, густое и жирное то ли творога, то ли прозы.

В сущности, это описание авторской поэтики. В рамках ее Сорокин трактует книгу как дизайнер. Для него роман — комбинация словесных пластов, составляющих гармоническое целое, которое отличает «чистота внутреннего строя».

Утрамбовав получившееся, автор предлагает готовый продукт для «поглощения текстовой массы». «Молочные» книги даже не

надо жарить, как в «Манараге». Они и без того подверглись алхимической обработке, и Сорокин до финала не оставляет своей метафорической исповеди. Возможно, потому, что он не дождался узнать от нас, критиков-«переплетчиков», того, что хотел о себе услышать.

Наследники

«Наследие» завершает трилогию, начатую «Метелью» и продолженную «Доктором Гариным», которого мы не сразу узнаем в безногом нищем с травмированной головой и речью инвалида. Ковыляя на протезах, он сопровождает книгу на всех ее крутых поворотах. Только таким и может быть положительный герой у Сорокина. Он, как Платон Каратаев, мало на что способен, кроме мелких добрых дел — накормить сироту, перевязать раненого, подбодрить упавшего, напомнить о Боге, наконец: *«Бог наш молчанием велик! Веруй в Богово, а не в чертово логово! Богу не перечь, не буди неведому картечь!»*

Прошедший все круги сорокинского ада Гарин, с трудом догадываемся мы, привел в новую книгу зачатых в двух прежних частях трилогии детей. Это полуодичавшие Оле и Але, никогда и не бывшие цивилизованными черныши-альбиносы с непроизносимыми именами. Спасенные для будущих дел, они — надежда расы кентавров, которые, возможно, заменят окончательно погубивших себя людей.

Зерно утопии Сорокин сажает на последних страницах в не тронутую нашей историей целину: *«Вокруг расстилалась великолепная равнина — поля паханые и непаханые, ровные луга раскинулись до самого горизонта».*

Здесь автор воздвиг гигантский памятник своему герою. *«Десятиметровый человек в докторском халате»*, готовый *«разжать свои волевые губы, чтобы сообщить раскинувшемуся вокруг миру что-то очень важное, но пока не хочет этого*

делать».

Что же он скажет? Может быть, то, что автор уже назначил эпиграфом из Хармса: что-то еще есть впереди.

*Стукнул в печке молоток,
рухнул об пол потолок:
надо мной открылся ход
в бесконечный небосвод.*

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Мешок без дна](#)

О романе Владимира Сорокина «Доктор Гарин»

18:55, 18 апреля 2021, Александр Генис undefined